**Научная статья / Original article**

УДК 332.1+330.34

ВАК 5.2.3.

JEL O18 R11 R12

EDN WVUKYL

BY-NC 4.0

**Ергин С. М.**

# ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ГОРОДСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ КАК ФАКТОРА УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

***Ергин Сергей Михайлович***
*доктор экономических наук, доцент*
*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт экономики и управления (г. Симферополь, Россия), профессор кафедры экономики предприятия*
*yergin@rambler.ru*
*https://orcid.org/0000-0002-2159-6793*
*SPIN 5332-9340*

***Sergei M. Ergin***
*Doctor of Economic Sciences, Associated Professor*
*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute of Economics and Management, (Simferopol, Russia) Professor of Enterprise Economics Department*
*yergin@rambler.ru*
*https://orcid.org/0000-0002-2159-6793*
*SPIN 5332-9340*

***Аннотация***. *В статье исследуются процессы урбанизации и экономической концентрации в России. Автором были выделены два этапа урбанизации – быстрый рост и стабилизация с 1990-х гг. Показано, что поляризация расселения в стране усиливается: Москва и Санкт-Петербург концентрируют до 32-40 % населения своих макрорегионов. По официальным показателям валового регионального продукта и авторским оценкам валовой добавленной стоимости были выделены пять моделей экономического доминирования – от сверхконцентрации мегаполисов до стабильности городов на фоне сырьевого доминирования соседних регионов. Сделан вывод об отсутствии единого тренда экономической концентрации экономической силы в городах-лидерах: административные решения, ресурсная рента и региональная политика влияют на экономический ландшафт не меньше естественного роста городов.*

***Ключевые слова***: *урбанизация, экономическая концентрация, города-лидеры, поляризация расселения*

**Для цитирования**: Ергин С. М. Исследование процессов городской концентрации как фактора ускорения экономической динамики // Экономическая среда. – 2026. – Т. 15, № 2. – С. 98-108. – EDN WVUKYL.

***Abstract***. *The article examines the processes of urbanization and economic concentration in Russia. The authors identified two stages of urbanization: rapid growth and stabilization since the 1990s. It is shown that polarization of settling in the country is increasing: Moscow and St. Petersburg concentrate up to 32-40% of the population of their macro-regions. According to the official indicators of gross regional product and the author's estimates of gross value added, five models of economic dominance were identified: from hyper-concentration of megacities to stability of the cities against the background of the raw materials dominance of neighboring regions. It is concluded that there is no single trend of economic concentration of economic power in the cities-leaders: administrative decisions, resource rent and regional policy affect the economic landscape no less than natural growth of the cities.*

***Keywords***: *urbanization, economic concentration, leading cities, settlement polarization*

**For citation**: Ergin S.M. Study of Urban Concentration Processes as a Factor of Economic Dynamics Acceleration. *Economic Environment*, 2026, vol. 15, no. 2, pp. 98-108. (In Russ.). Available from: https://elibrary.ru/WVUKYL.

## Введение

В течение последних десятилетий в развитых, и в особенности в развивающихся экономиках, наблюдаются существенные трансформации в пространственном распределении населения [1–4]. Ускоренная урбанизация, сопровождаемая процессами демографического роста, обусловила как интенсификацию развития отдельных мегаполисов, возникновение новых городских центров, так и их противоположность – антропогенное «опустынивание» ранее населённых территорий [5].

Феномен нарастающей концентрации населения привлёк серьёзное внимание исследователей в контексте влияния на разнообразные социально-экономические параметры, включая показатели уровня бедности и неравенства. Особый интерес вызывает вопрос об возрастающей роли городских агломераций для повышения производительности используемых ресурсов и темпов экономического роста. Всё большее

© Ергин С. М., 2026

число исследователей и практиков акцентируют внимание на роли городской концентрации и/или децентрализации как катализаторов экономического развития. Предполагается, что скопление населения и концентрация деловой активности в локализованных зонах продуцируют агломерационные эффекты, такие как повышенный уровень производительности ресурсов вследствие формирования объединённого рынка труда, налаживания прямых и обратных производственных связей, а также активного обмена знаниями.

В рамках практического применения городской экономики можно интегрировать её новаторские подходы с историческими сведениями, накопленными за предшествующие исследования. Рост населения в сочетании с галопирующими темпами урбанизации привёл к увеличению размеров некоторых городов, сокращению населения в других и рождению новых городов. Растущая концентрация людей также получила большое внимание в литературе с точки зрения её влияния на различные социально-экономические аспекты в том числе и такие, как сокращение бедности.

**Цель исследования** состоит в установлении и типологизации урбанизационных траекторий развития, определении моделей экономической концентрации крупнейших городов – лидеров федеральных округов России, а также в оценке степени поляризации расселения и экономического доминирования в макрорегионах на фоне мировых трендов урбанизации.

**Материалы и методы исследования**

В экономических изданиях последнего времени отслеживается значительный рост публикаций по городской экономике, связанных с усилением урбанизации и воздействием этого процесса на экономический рост. Один из родоначальников данных научных изысканий, Пол Байрох, провёл обширные исследования о городском населении Европы и мира начиная с 800 года н. э. и заканчивая последними десятилетиями современности [6, 7]. В исследованиях Джейн Джекобс развивается идея, что основой и двигателем богатства наций является сильная городская экономика [8]. Поэтому в странах по мере роста материального производство и сферы услуг и всё меньшего влияния сельского хозяйства городские районы становятся важными для развития инноваций, поощрения накопления человеческого капитала, создания торговых центров, то есть для стимулирования маршаллианских внешних эффектов. Такая экономика важна и для постсоветских стран, поскольку тенденции урбанизации показывают, что доля городского населения в них существенно увеличилась с 1930-х годах и превысила сельское население в 1961 году [9].

Вторым важнейшим фактором ключевого влияния значимости городской экономики, на которую обращают внимание теоретики урбанизации, являются экзогенные факторы местоположения (география первого порядка) и эндогенные силы агломерации и городской перегруженности (география второго порядка) [10], которые объясняют наблюдаемые различия в производительности и неравенства в развитии городской инфраструктуры. Эти силы воздействуют на экономику в течение многих лет и даже столетий. Преимущества первого порядка, такие как владение речными переправами или наличие источников водной энергии, менялись во времени медленно, в ходе развития технологий.

Преимущества второго порядка, такие как городская застройка и связывающая города инфраструктура (мосты, железнодорожная или канализационная сети), также развиваются медленно так, что эти долгосрочные зависимости затрудняют отслеживание факторов, влияющих на динамику города, с использованием краткосрочных

данных.

Третьим фактором значимости городской экономики становится усиливающаяся региональная дифференциация, которая выступает следствием как традиционных, а именно: «…структурные изменения в промышленности, открытость экономии, рост государственных инвестиций, расширение городских земель, политика региональной помощи, политическая власть» [11, с. 5], так и современных факторов неравенства в доходах: «…рост влияния человеческого капитала и технологического прогресса, распространение знаний, культурный уровень населения, национальная идентичность и политическая история региона, политика санкций и изоляции, влияние региональных экологических условий на здоровье» [11, с. 5].

Четвёртый фактор усиления значимости процессов урбанизации состоит в том, что «…процессы урбанизации, индустриализации и экономического развития не всегда коррелируют между собой» [12, с. 91], вызывая процесс «урбанизации без роста». Урбанизация бедных и беднейших странах проявляется в возникновении крупнейших мегаполисов планеты с такими негативными последствиями для их населения, как нехватка чистой воды, загазованность улиц, транспортный коллапс и прочие проблемы.

**Результаты исследования и их обсуждение**

По мере того, как экономическая система переходит от аграрной к индустриальной фазе, и особенно к её сервисному этапу, городская концентрация начинает приносить существенные выгоды, поскольку в условиях сокращения расстояний между экономическими субъектами нарастает возможность обмена между ними знаниями и информацией, что усиливает синергетический экономический эффект. Таким образом, по крайней мере на ранних этапах развития можно наблюдать тесную связь между экономическим развитием с одной стороны и городской концентрацией с другой [13]. Однако существуют и издержки концентрации людей в городах, обычно называемые «издержками перегрузки» [14]. К ним относятся, помимо прочего, перегрузка инфраструктуры, более быстрое распространение болезней. В дополнение к физическим недостаткам урбанизации возникают правовые институты, такие как законы о зонировании жизни жителей города, которые привели к расовой сегрегации и имущественному неравенству в предоставлении общественных благ, которые также имели долгосрочные последствия.

Эти долгосрочные зависимости особенно затрудняют отслеживание факторов, влияющих на динамику города, с использованием краткосрочных данных. Хотя эти краткосрочные данные могут пролить свет на процессы, определяющие существование городов, гораздо больше можно узнать, используя долгосрочные исторические данные, объясняющие зависимость от предшествующего развития. Так, в портах с географическими особенностями, которые позволяли принимать крупные суда, наблюдался существенный рост населения и занятости после внедрения контейнерных перевозок. Всё это свидетельствуют о том, что факторы местоположения также имеют значение.

Существенная роль отводится долгосрочному влиянию гидроэнергетики на местную экономическую активность. Ключевым моментом интенсификации урбанизации выступает тот факт, что до 1950-х гг. передача электроэнергии на большие расстояния была дорогостоящей, поэтому плотины обеспечивали преимущества, зависящие от местоположения, в то время как внедрение высоковольтных линий электропередачи после 1950 гг. устранило эти преимущества, то есть доступ к гидроэлектростанциям на ранних, но не на поздних этапах строительства городов оказал как краткосрочное, так и долгосрочное влияние на рост местного населения и занятости.

Традиционные споры о связи между темпами урбанизации и экономического развития были сосредоточены на вопросе о том, не являются ли темпы урбанизации слишком высокими. Сторонники гипотезы о чрезмерной урбанизации утверждают, что темпы урбанизации в развивающихся экономиках выше, чем в современных развитых, по сравнению с тем периодом, когда они находились на той же стадии развития, то есть в XIX веке, и превышают оптимальный уровень [14]. В противоположность этому не поддерживающие эту точку зрения исследователи поставили под сомнение предположение о чрезмерной урбанизации и о том, что ход индустриализации и урбанизации в развивающихся экономиках должен соответствовать пути, пройденному постиндустриальными странами. Они утверждали, что менее ускоренные темпы расширения городов потребовали бы проведения дополнительного анализа того, действительно ли меньшая урбанизация в развивающихся экономиках способствовала бы большему росту и развитию [15; 16]. В этой дискуссии следует не упустить важность необходимости учёта распределения населения по городам, то есть степени городской концентрации внутри каждой страны. Существует обширная литература [17; 18], которая как теоретически, так и эмпирически свидетельствует о росте отдачи от интенсификации городской застройки, то есть городская концентрация важнее, чем сам процесс урбанизации. Изучая закономерности городской концентрации в развивающихся экономиках, можно обнаружить, что наряду с ростом урбанизации они за последние 50 лет также пережили значительные темпы роста городской концентрации. В частности, в то время как рост крупных городов, то есть рост городов с населением более 5 миллионов человек в промышленно развитых экономиках был медленным или даже нулевым, в развивающиеся – сталкиваются с постоянно растущей концентрацией населения в крупных городских агломерациях (с населением от 5 до 10 миллионов человек) и мегаполисах (в городах с населением более 10 миллионов человек). Например, в период с 1975 по 2014 год число мегаполисов в развивающихся экономиках увеличилось с 3 до 18 по сравнению с ростом с 2 до 6 в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [19, с. 18–19].

В России мы наблюдаем тенденции, аналогичные для развивающихся экономик. Происходит резкий рост урбанизации, сопровождающийся увеличением важнейших экономических показателей развития. Так, уровень урбанизации в России с 1959 по 2022 год демонстрировал устойчивый рост, достигнув показателя около 74,9 %. В таблице 1 представлены данные по отдельным годам этого периода.

Таблица 1 – Уровень урбанизации в мире за период 1959–2022 гг.

| Годы | Уровень урбанизации, % | | |
|---|---|---|---|
| | в России | в странах ОЭСР | в мире в целом |
| 1959 | 52,0 | 62,2* | 37,6 |
| 1970 | 62,5 | 67,2 | 43,7 |
| 1979 | 69,3 | 70,0 | 48,5 |
| 1989 | 73,4 | 72,8 | 53,1 |
| 2002 | 73,3 | 76,4 | 56,7 |
| 2010 | 73,7 | 79,0 | 59,0 |
| 2022 | 74,9 | 81,5 | 62,0 |

* данные 1960 г.

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, данных Всемирного банка и ООН, а также статистики ОЭСР

В период с 1959 по 2022 год урбанизация, определяемая как доля городского населения в общей численности населения, увеличилась на 22,9 процентных пункта (п.п.) в России по сравнению с 14,3 п.п. в странах ОЭСР, а по миру в целом рост составил уже 24,4 п.п. Анализ данных в России за анализируемый период позволяет выделить два этапа её урбанизации.

1 этап. Период быстрого роста (1959–1980-е гг.). Послевоенное восстановление и форсированная индустриализация привели к массовому перемещению населения из сельской местности в города. За 40 лет, с 1959 по 1989 год, доля городского населения выросла почти на 21,4 п.п.

2 этап. Период стабилизации (с 1990-х гг. до наших дней). С распадом СССР и переходом к рыночным отношениям темпы урбанизации значительно замедлились. Доля городского населения практически не изменилась и стабилизировалась на уровне 73–75 %. Небольшие колебания в этот период в основном связаны с административно-территориальными преобразованиями (например, переводом некоторых посёлков городского типа в категорию сельских населённых пунктов) и с естественной убылью и миграционными процессами в стране. Таким образом, если в середине XX века Российская Федерация была преимущественно сельской страной, то к его концу она превратилась в страну с высоко урбанизированным населением, и данный показатель в последние десятилетия остаётся относительно стабильным.

В то же время наблюдается усиленный рост столичных городов. Если в 1990 году мегаполисов не было вовсе и был только один город с населением более 5 млн чел., то в 2022 году соответственно их число возросло до одного по каждой группе (Москва и Санкт-Петербург). Число городов-миллионников за этот же период (помимо названных ранее) тоже возросло с 11 до 14. Всего в 16 крупнейших городах проживает около 25 % населения России. Распределение численности миллионников по федеральным округам неравномерно. Большее их количество в Приволжском федеральном округе (5 городов). Нет таких городов в Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах [20]. Динамика распределения городов – лидеров по федеральным округам (ФО) и их доля в общей численности населения округа за 1959–2022 гг. представлена в таблице 2 и показывает, как менялась концентрация населения по крупнейшим городам России и их роль в своих федеральных округах.

Основная идея анализа – не просто показать абсолютную численность жителей, а оценить, какова доля города – лидера макрорегиона от всего населения федерального округа и в какой степени он «стягивает» на себя граждан. Это позволяет понять, растёт ли поляризация населения (стягивание его в один главный центр) внутри макрорегиона.

По динамике показателя «Доля города в численности населения федерального округа» можно выделить три чёткие траектории процесса урбанизации.

1. Растущая сверхконцентрация Москвы и Санкт-Петербурга. Оба столичных центра демонстрируют непрерывный рост своей доминанты на протяжении более 60 лет.

У Москвы (Центральный ФО) доля выросла почти в два раза – с 18,3 % до 32,3 %. Иными словами, если в 1959 году в Москве жил лишь каждый пятый житель Центральной России, то сейчас – уже практически каждый третий. Город стабильно прирастал и абсолютно (с 5 млн до 13 млн), и относительно веса в округе.

Доля Санкт-Петербурга (Северо-Западный ФО) увеличилась с 29,5 % до 40,3 %. Особенно заметен рывок в постсоветский период. Сейчас на город приходится более 40 % населения всего макрорегиона, что говорит о резком дисбалансе в расселении на Северо-Западе.

Таблица 2 – Распределение населения по крупнейшим городам федеральных округов РФ за период 1959–2022 гг.

| Города / Федеральные округа | 1959 г. | | 1970 г. | | 1989 г. | | 2002 г. | | 2010 г. | | 2022 г. | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Численность населения, тыс. чел. | Доля города в численности населения ФО, % | Численность населения, тыс. чел. | Доля города в численности населения ФО, % | Численность населения, тыс. чел. | Доля города в численности населения ФО, % | Численность населения, тыс. чел. | Доля города в численности населения ФО, % | Численность населения, тыс. чел. | Доля города в численности населения ФО, % | Численность населения, тыс. чел. | Доля города в численности населения ФО, % |
| Москва / Центральный | 5085,6 | 18,3 | 7601,0 | 20,0 | 8876 | 23,4 | 10328,8 | 27,3 | 11503,5 | 29,9 | 13059,7 | 32,3 |
| Санкт-Петербург / Северо-Западный | 3321,2 | 29,5 | 4014,0 | 31,2 | 5023,5 | 32,8 | 4672,4 | 32,2 | 4866,1 | 36,0 | 5604,0 | 40,3 |
| Ростов-на-Дону / Южный [1] | 599,5 | 13,2 | 788,8 | 13,3 | 1019,3 | 14,0 | 1068,3 | 13,1 | 1089,3 | 13,9 | 1142,2 | 7,6 |
| Новосибирск / Сибирский [2] | 885,0 | 5,3 | 1161,0 | 6,4 | 1436,5 | 6,8 | 1425,5 | 6,9 | 1473,6 | 7,7 | 1633,6 | 9,8 |
| Екатеринбург / Уральский | 778,6 | 8,5 | 1025,0 | 10,2 | 1364,6 | 10,9 | 1293,5 | 10,3 | 1349,8 | 11,2 | 1544,4 | 12,6 |
| Казань / Приволжский | 646,8 | 2,3 | 868,5 | 2,9 | 1094,4 | 3,4 | 1105,3 | 3,5 | 1143,5 | 3,8 | 1259,2 | 4,6 |
| Махачкала / Северо-Кавказский | 119,3 | 2,6 | 185,9 | 3,1 | 317,5 | 4,4 | 462,4 | 6,0 | 572,1 | 6,1 | 623,3 | 6,1 |
| Хабаровск / Дальневосточный [3] | 332,7 | 6,7 | 436,0 | 7,5 | 616,0 | 7,6 | 583,1 | 8,3 | 577,4 | 9,2 | 617,4 | 7,8 |

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ

2. Зрелая концентрация без роста доли характерна для Южного ФО, в Ростове-на-Дону. Это особый случай. Всё не означает, что город вымер (его численность за весь период почти удвоилась). Доля города колебалась в районе 13–14 % вплоть до 2016 года, а затем резко упала до 7,6 %, когда в состав Южного ФО была включена Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Такое падение – чисто

[1] – статистические данные по численности населения Республики Крым и города федерального значения Севастополь учитывались только в 2022 г.

[2] – в 2022 г. не учитывались статистические данные по населению Забайкальского края и Республики Бурятия.

[3] – до 2019 г. не учитывали статданные по населению Забайкальского края и Республики Бурятия.

статистический эффект изменения административных границ. Это присоединение значительно увеличило общую численность населения округа, что и стало ключевой причиной для снижения относительного веса отдельных городов в его составе. Фактически Ростов-на-Дону остаётся крупным региональным центром, но его доминирование в старых границах округа было сильно размыто административной реформой.

3. Умеренно растущая концентрация остальных региональных центров, куда относятся плавно растущие города, которые увеличивают свою долю в округе без скачков, присущих столицам.

Доля Новосибирска (Сибирский ФО) выросла с 5,3 % до 9,8 %, приблизившись к 10-процентному порогу.

Доля Екатеринбурга (Уральский ФО) поднялась с 8,5 % до 12,6 %. Рост ускорился после 2002 года.

Доля Казани (Приволжский ФО) выросла с 2,3 % ровно до 4,6 %, то есть удвоилась, но всё ещё остаётся относительно невысокой, что говорит о более равномерной сети городов в Поволжье.

Самый заметный относительный рост среди всех федеральных центров, кроме Москвы, наблюдался в Махачкале (Северо-Кавказский ФО). Её доля выросла с 2,6 % до 6,1 % (рост численности – в 5 раз). Подобная динамика объясняется высоким естественным приростом населения, обусловленным высокой рождаемостью на Кавказе и внутренней миграцией.

Доля Хабаровска (Дальневосточный ФО) выросла с 6,7 % до 7,8 %, но в последний период между двумя переписями (2010–2022 гг.) доля Хабаровска на фоне оттока населения с Дальнего Востока сократилась. Город стал уступать в конкурентной борьбе за человеческие ресурсы.

Таким образом, наблюдается, во-первых, усиление централизации практически по всем перечисленным городам (за исключением статистического казуса с Ростовом-на-Дону). Они за 63 года упрочили свои позиции как центры притяжения населения внутри федеральных округов. Во-вторых, усилился столичный отрыв. Москва и Санкт-Петербург накапливают демографический вес намного быстрее в абсолютном и относительном размере остальных городов-лидеров (доля до 32–40 %), создавая масштабный перекос в расселении Европейской части России. В-третьих, методологический казус с Ростовом-на-Дону отлично показывает, как изменение административных границ (расширение границ ФО) способно коренным образом трансформировать статистический показатель «доли», делая его несопоставимым в динамике без соответствующих поправок.

В то же время аналогичного сближения темпов экономического роста между ранее определёнными тремя траекториями процесса урбанизации не наблюдается (таблица 3). Для продолжения анализа необходимо отметить, что ВРП рассчитывается Росстатом только для субъектов РФ. Поэтому для принятых в анализе города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург) используются прямые данные по соответствующим субъектам. Для остальных городов-лидеров, не являющихся субъектами федерации, для целей анализа автором по материалам Федеральной службы государственной статистики РФ был рассчитан оценочный, но не официальный показатель валовой добавленной стоимости для всех годов периода анализа.

На основе данных можно выделить пять моделей доминирования городской экономической концентрации в макрорегионе.

Таблица 3 – Распределение ВРП/ВДС по крупнейшим городам федеральных округов Российской Федерации за период 2002–2022 гг.

| Города / Федеральные округа | 2002 г. | | 2010 г. | | 2022 г. | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | Валовой региональный продукт / валовая добавленная стоимость, млн руб. | Доля ВРП / ВДС города в ВРП в целом по ФО, % | Валовой региональный продукт / валовая добавленная стоимость, млн руб. | Доля ВРП / ВДС города в ВРП в целом по ФО, % | Валовой региональный продукт / валовая добавленная стоимость, млн руб. | Доля ВРП / ВДС города в ВРП в целом по ФО, % |
| Москва / Центральный | 1767476,7 | 61,4 | 8375863,8 | 62,3 | 30542556,2 | 61,6 |
| Санкт-Петербург / Северо-Западный | 336692,3 | 37,0 | 1699486,4 | 43,1 | 11376096,8 | 59,3 |
| Ростов-на-Дону / Южный [1] | 75277,3 | 14,5 | 352751,5 | 15,1 | 1263224,0 | 12,7 |
| Новосибирск / Сибирский[2] | 57976,9 | 6,4 | 237229,2 | 6,2 | 898527,3 | 6,8 |
| Екатеринбург / Уральский | 87531,2 | 6,6 | 373708,5 | 6,6 | 1351732,2 | 6,7 |
| Казань / Приволжский | 104157,7 | 7,0 | 416314,5 | 7,3 | 1750481,0 | 9,0 |
| Махачкала / Северо-Кавказский | 13040,4 | 7,5 | 86331,8 | 9,7 | 276988,5 | 9,0 |
| Хабаровск / Дальневосточный [3] | 49513,8 | 8,9 | 173259,2 | 7,2 | 534142,9 | 6,0 |

Источник: составлено автором

1 модель. Сверхконцентрация в Москве, когда доля ВРП столицы более 60 %. Москва имеет уникальное положение, стабильно генерируя 61–62 % экономики Центрального ФО. Колебания в пределах 1 п.п. за 20 лет свидетельствуют не о снижении уровня концентрации экономики, а о сформировавшемся равновесии: московская экономика растёт синхронно с экономиками других регионов Центрального ФО, но на колоссально разном уровне абсолютных величин.

2 модель. Взрывной рост доминирования Санкт-Петербурга. Это единственный из городов – лидеров страны, который кардинально нарастил свой экономический вес в макрорегионе. Рост доли его экономики более 20 п.п. означает, что за 20 лет город не просто развивался быстрее соседей, но и вобрал в себя более половины всей экономической активности Северо-Западного макрорегиона. Если в 2002 году Петербург и соседние регионы были соизмеримы по экономике (63 % – вне города), то к 2022 году на остальные регионы федерального округа в сумме производится лишь 40,7 % ВРП.

3 модель. Умеренно растущее влияние Казани и Махачкалы. Казань и Махачкала демонстрируют модель уверенного стабильного роста (доля в экономике растёт в среднем на 2–3 п.п.). Увеличение доли примерно с 7,0 % до 9,0 % подтверждает их

[1] – статданные по ВРП Республики Крым и города федерального значения Севастополь учитывались только в 2022 г.

[2] – в 2022 г. не учитывались статданные по ВРП Забайкальского края и Республики Бурятия.

[3] – статданные до 2019 г. по ВРП Забайкальского края и Республики Бурятия не учитывались.

статус как одних из самых динамичных нестоличных центров. Рост происходит в условиях высокой конкуренции в диверсифицированной экономике Приволжского округа, где также сильны Самарская область и Республика Башкортостан, и ускоренного роста Чеченской Республики и Ставропольского края в числе субъектов Северо-Кавказского ФО. Это делает такое увеличение веса данных городов особенно значимым, но не относит их к монополистам.

4 модель. Стабилизация и снижение влияния Ростова-на-Дону и Хабаровска. Небольшой рост доли с 14,5 % до 15,1 % Ростова-на-Дону в 2010 году, вероятно, был следствием выделения Северо-Кавказского ФО, который сменился падением в 2022 году до 12,7 %. Это было прямым и единственным следствием расширения в 2016 году Южного ФО за счёт включения Республики Крым и Севастополя. Экономика самого города не сократилась, но его удельный вес в увеличившемся округе стал меньше. Это классический пример влияния административных трансформаций на статистический показатель.

В то же время Хабаровск является примером ослабления экономических позиций в макрорегионе. Его доля в Дальневосточном ФО упала с 8,9 % до 6,0 %. Это отражает смещение центра административной активности в Приморье (Владивосток) и реализацию крупных сырьевых проектов в других его регионах (Республика Саха (Якутия), Сахалинская и Амурская области), что значительно снизило долю города в ВРП федерального округа.

5 модель. Стабильность на фоне сырьевого доминирования Екатеринбурга и Новосибирска. Эти центры своих макрорегионов демонстрируют редкую стабильность на уровне 6,2–6,8 %. Их доля практически не менялась за весь период анализа. Это не говорит о застое в этих городах-миллионниках, а является прямым следствием структуры экономики в этих округах. Основной вклад в ВРП Уральского и Сибирского ФО вносят не крупные города, а огромные по территории сырьевые регионы (Тюменская область, Красноярский край и Кузбасс), экономика которых на порядок больше. Масштаб ресурсной ренты перечисленных регионов не позволяет этим городам нарастить относительный вес, несмотря на их собственный значительный абсолютный рост в анализируемом периоде.

В результате уровень экономической концентрации в России неравномерен и зависит от модели развития конкретного макрорегиона. Тем не менее влияние урбанизации нельзя отрицать. Города – лидеры своих макрорегионов – сохраняют, а некоторые и усиливают своё доминирующее экономическое положение. И только на Дальнем Востоке мы видим обратный процесс: уход Хабаровска с позиций одного из лидеров и формирование новых центров роста.

Таким образом, можно отметить отсутствие единого тренда экономической концентрации экономической силы в городах-лидерах. Наблюдается неоднозначная тенденция, когда административные решения (в случае Ростова-на-Дону), ресурсная рента (в случае Екатеринбурга и Новосибирска) и целенаправленная региональная политика (в случае Хабаровска) оказывают на экономический ландшафт не меньшее влияние, чем естественный рост экономики городов.

**Заключение**

За период 1959–2022 гг. урбанизация в России прошла два этапа: быстрый рост (до 73,4 % к 1989 году), обусловленный послевоенной индустриализацией, и последующую стабилизацию на уровне 73–75 %. Рост доли городского населения на 22,9 п.п. сопоставим со среднемировым показателем и почти вдвое превышает темпы по странам ОЭСР. По динамике доли города – лидера в численности населения федерального

округа – прослеживаются три траектории: растущая сверхконцентрация Москвы и Санкт-Петербурга, чьи доли достигли соответственно 32,3 % и 40,3 %, создавая большой перекос в расселении Европейской части страны; статистическое снижение доли Ростова-на-Дону, вызванное исключительно расширением состава Южного федерального округа; и умеренно растущая концентрация остальных региональных центров, среди которых опережающим относительным ростом выделяется Махачкала. В экономической плоскости зафиксировано не сближение, а сохранение и даже усиление дифференциации, что позволило выделить пять моделей экономического доминирования: сверхконцентрация в Москве, стабильно генерирующей 61–62 % ВРП своего макрорегиона; взрывной рост доминирования Санкт-Петербурга, нарастившего долю экономики в Северо-Западном федеральном округе; умеренно растущее влияние Казани и Махачкалы; стабилизация и снижение влияния Ростова-на-Дону вследствие административных преобразований и Хабаровска как результат реального ослабления экономических позиций на Дальнем Востоке; а также стабильность Екатеринбурга и Новосибирска, чей относительный вес сдерживается масштабом ресурсной ренты соседних сырьевых регионов.

Таким образом, единый тренд экономической концентрации в России отсутствует: административные решения, ресурсная рента и целенаправленная региональная политика оказывают на экономический ландшафт макрорегионов влияние, сопоставимое с естественным ростом городов, а в ряде случаев и превосходят его.

Список источников:

1. Власова Н. Ю. Позиции крупных и больших городов в пространственных трансформациях регионов России: кейс Урала // Регион: Экономика и Социология. – 2022. – № 1(113). – С. 263-288. – DOI 10.15372/REG20220109. – EDN GVJSXE.

2. Мусабиров Т. А., Закирова Ю. А. Факторы формирования и развития агломерационных точек роста // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2025. – № 1(71). – С. 192-204. – DOI 10.48612/NewsKSUAE/71.16. – EDN QQSQYH.

3. Петушкова В. В. Экономическая значимость объединения китайских городов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2025. – Т. 60, № 3. – С. 270-291. – DOI 10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-12. – EDN HGAWZC.

4. Бондаренко К. А., Афонина А. Г. Синтетическая классификация провинций и городов Вьетнама как основа региональной политики // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 19-36. – DOI 10.54631/VS.2024.82-568651. – EDN EPTTYJ.

5. Кутырин Д. О., Зворыкина Т. И. Благоустройство городской среды в высокоурбанизированном регионе: от экономической устойчивости к росту качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 72-87. – DOI 10.52180/1999-9836_2025_21_1_5_72_87. – EDN QERSKL.

6. Bairoch P., Batou J., Chèvre P. La Population Des Villes Européennes de 800-1850: Banque de Donnés et Analyse Sommaire des Résultats. – Genève: Librairie Droz, 1988. – 337 p. – DOI 10.1017/S0022050700009608.

7. Bairoch P., Braider C. Cities and economic development. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 574 p. – ISBN 9780226034669. – URL: https://EconPapers.repec.org/RePEc:ucp:bkecon:9780226034669.

8. Jacobs J. Cities and the Wealth of Nations: Principles of Economic Life. – New York: Random House, 1984. – 272 p. – URL: https://books.google.com/books/about/Cities_and_the_Wealth_of_Nations.html?id=Te-yAAAAIAAJ.

9. Территория и население СССР. Часть I. Народное хозяйство СССР в 1960 году (Статистический ежегодник) // Исторические материалы. – URL: https://istmat.org/node/207.

10. Adams R. M. The Origin of Cities // Scientific American Magazine. – 1960. – Vol. 203, No. 3. – P. 153-172. – URL: https://www.jstor.org/stable/24940621.

11. Ергин С. М., Пошеченков П. С., Зорина Е. С. Процессы становления и развития монополий мезоуровня в России // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 5-18. – EDN RDLEDK.

12. Ергин С. М., Пошеченков П. С. Экономическое развитие и пространственная трансформация городов // Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов: Сборник научных статей XI международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Орёл, 04 декабря 2025 года. – Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2026. – С. 90-93. – EDN GRUORN.

13. Кравченко А. И. Метафора магнита в социологии города // Социология. – 2025. – № 11. – С. 7-13. – EDN DUJBWH.

14. Fay M., Opal Ch. Urbanization without growth: a not-so-uncommon phenomenon / The World Bank. – Washington: Policy Research Working Paper Series 2412, 2000. – 33 p. – URL: https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=agsLtoGz18QC&oi=fnd&pg=PA27&ots=DlXoIayDID&sig=SrGQuW7205Sap-80hmOQd4D_ACI#v=onepage&q&f=true.

15. McCoskey S. A panel data investigation of the relationship between urbanization and growth. – New York: Syracuse University, 1998. – P. 1-24. – URL: https://www.researchgate.net/publication/23749792_A_Panel_Data_Investigation_of_the_Relationship_Between_Urbanization_and_Growth.

16. Moomaw R. L., Shatter A. M. Urbanization as a factor in economic growth // Journal of Economics. – 1993. – Vol. 19, No. 2. – P. 1-6.

17. Duranton G., Puga D. Microfoundations of Urban Agglomeration Economies // Handbook of Regional and Urban Economics. – Amsterdam: Elsevier, 2004. – Vol. 4, Ch. 48. – P. 2063-2117. – DOI 10.1016/S1574-0080(04)80005-1.

18. Rosenthal S., Strange W. Evidence on the nature and sources of agglomeration economies // Handbook of Regional and Urban Economics. – Amsterdam: Elsevier, 2004. – Vol. 4, Ch. 48. – P. 2119-2171. – DOI 10.1016/S1574-0080(04)80006-3.

19. World urbanization prospects: the 2014 revision. – New York: UN Department of Economic and Social Affairs Population Division, 2015. – URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Oct/unpd_2014_wup-report.pdf.

20. Гусаков Т. Ю. Поляризация сельского пространства южных регионов России: крымский кейс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 767-789. – DOI 10.22363/2313-2272-2025-25-4-767-789. – EDN KDJYFI.

*Статья поступила в редакцию / Received: 15.05.2026*
*Доработана после рецензирования / Revised: 03.06.2026*
*Принята к публикации / Accepted: 05.06.2026*